

В. А. Зверев

**ДОЖДЕМ ПОКРЫТЫ, ВЕТРОМ ОГОРОЖЕНЫ:
ТАК ЖИЛИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ БАРАБЫ В НАЧАЛЕ XX в.**

Опубликовано: Зверев, В. А. Дождем покрыты, ветром огорожены : так жили переселенцы Барабы семьдесят лет назад / В. А. Зверев // Советская Сибирь. – 1996. – 27 ноября. – С. 3.

Странную историю изучали до недавнего времени в школах и вузах: историю кровопролитий, дворцовых переворотов и интриг кучки людей, борющихся за власть или стремившихся власть сохранить и усилить. Но можно ли это считать историей нашей родины? Для меня гораздо значимее история повседневного быта, представлений и привычек множества обыкновенных людей, живущих и в столице, и в «глубинке», в провинции. Возможно, в этих глубинах бытия народного и берут начало как исторические триумфы, так и пороки государственного устройства, болезни общества, все наши политические, экономические, культурные и экологические кризисы. Много лет изучая повседневную жизнь наших предков – сибирских крестьян, я убеждался, например, в том, что «сибирское здоровье» было мифом и в начале 20 века, что нынешние наши проблемы со здоровьем коренятся, в частности, в несовершенстве социально-экономического и культурного наследия.

Где бросить якорь? На болоте...

В Государственном архиве Новосибирской области и в малотиражной медицинской публикации мною найдены материалы массовых обследований переселенческих поселков Барабинской зоны Сибири, проведенных санитарными врачами Сибкрайздрава в 1926–1927 годах. Под руководством

профессора К. М. Гречищева (Омск) и доктора М. Л. Айзина (Новосибирск) в Индерском и Каргатском районах было обследовано более 50 населенных пунктов, образованных, в основном, в начале 20 века «расейскими» выходцами из Воронежской, Калужской, Смоленской и Тамбовской губерний, а также белорусами из Гродненской, Ковенской и Минской губерний. Перебравшись из неурожайных мест, малоземельные в прошлом новоселы и в Сибири оставались экономически слабым «контингентом».

Обустройство жизни во многих поселках, по существу, лишь начиналось. Детских яслей не было ни в одном, почти в половине не имелось школ, до врачебных участков – не менее 20–30 километров. Однако в каждом поселке было выстроено, в среднем, уже по 153 жилых дома. Все новоселы занимались земледелием, многие дополняли его животноводством, кустарными промыслами и рыболовством.

Медики сочли неудачным географическое местоположение большинства поселений – в заболоченной местности, на солонцах. Поэтому там держалась высокая влажность воздуха, наблюдалось высокое стояние почвенных вод. По Барабе «кочевали» заразные болезни, малярия становилась социальным бедствием.

Некоторые селения раскинулись на берегах рек, вытягиваясь по их течению. Но многие стояли, как говорили крестьяне, «на колодцах» – на водоразделах рек, выстраиваясь в линию вдоль здешних возвышенностей – «грив». Такое размещение врачи признали тоже неудобным: по улицам свободно гулял ветер, зимою дома почти целиком заносило снегом. Неудачное расположение населенных пунктов частично можно признать виной первопоселенцев-ходоков, плохо знакомых с местными условиями. Но многое зависело и от воли чиновников начала века, которые нарезали земельные участки для мигрантов в малоподходящих для постоянного жилья местах.

Баня – символ чистоты или рассадник инфекций?

Пройдемся вместе с санитарными врачами по околицам, улицам и подворьям барабинских новоселов. Оценка медиков: «Поселки в значительном числе своем находятся в стадии непрерывно увеличивающегося загрязнения». Загрязнялись они бытовым мусором и особенно навозом от животных, который редко где вывозили на поля. Навоз годами скапливался на дворах, с весенней водой глубоко проникал в почву вокруг жилища. В «лучшем» случае навоз выбрасывали на улицу, на берег водоема (зимой – на лед), использовали для устройства плотин на ручьях. Из-за этого загрязнялись открытые водоемы и почвенные воды, на деревенских околицах вырастали свалки. В Каргатском районе только в 7 из 34 обследованных селений были отведены специальные места для свалки мусора, скотомогильники имелись менее чем в половине поселков.

Банями стремились обзавестись все, но далеко не все смогли или успели это сделать. Общественных бань почти нигде не было. Одна частная баня в каргатских поселках, расположенных у речек, приходилась на 4–5 дворов, в остальных – на 10–15. Мылись крестьяне в банях, своих либо соседских, довольно часто: 3–4 раза в месяц. Это, разумеется, было полезно для здоровья.

Деревенская баня была очень маленькой (3 на 3,5 метра), низкой (не выше 1,6 метра) темной и ... довольно грязной, без хорошего пола. Топилась по-черному: дым выходил в дыру, устроенную в стене, либо в открытые двери. Мыло при мытье употребляли редко, его заменял щелок. Да, собственно, в банях тогда не столько мылись, сколько парились. Веник никогда не дезинфицировали, а поскольку он не раз переходил из одних рук в другие, то становился разносчиком инфекций.

Не пей, Иванушка, из колодца...

Из обследованных в 1927 году 22-х переселенческих поселков более половины страдали от недостатка воды. Кое-где барабинские переселенцы могли брать волю из речек и озер, но летом вода в них не годилась для питья. Сама по себе застойная и неважная по составу, она к тому же загрязнялась сточными водами, купанием людей и животных, полосканием белья, замачиванием конопли... Зимой ее все же пили: крестьяне вырубали лед и растапливали его.

Были в поселках и колодцы – по одному на три двора. Медики осмотрели 127 колодцев Каргатского района. Оказалось, что девять из каждого десятка – глубиной менее 4 метров, то есть население пользуется «верховодкой» – водой, подверженной поверхностному загрязнению. Более 20 процентов колодцев – со стенками не из бревен или досок, а из плетеного ивняка. У колодцев стирали белье, поили скот. Многие колодцы располагались близко от скотных дворов. И слишком мало было резервуаров, которые чистили хотя бы раз в год, закрывали крышкой, снабжали бы общественной бадьей.

Избушки на курьих ножках

В 1926 году медицинские работники подробно обследовали 516 жилищ каргатских и индерских крестьян, в 1927-м – еще 165 изб в разных частях Барабы. Абсолютное большинство домов и старожилы, и переселенцы строили из самого подходящего для сибирских условий материала – из дерева. Но породу дерева использовали неудачную – березу. Дело в том, что сосновые и лиственничные леса шумели далеко от здешних мест. Переселенцам не по карману и не по силам было пользоваться их богатствами. Часто они вынуждены были применять и вовсе суррогатные строительные материалы: верхний слой почвы – пласты дерна, замешенную вместе с соломой или навозом глину. Среди обследованных каргатских жилищ оказалось 44 земляных, «пластовых».

Крыши устраивали из того же дерна (до 80 процентов) или соломы, иногда – из камыша. Деревянные и железные крыши на домах новоселов практически не встречались, они были достоянием старожильческих селений. Нет ничего удивительного в том, что большинство крыш по весне и в дождь протекало.

Жилье строили без фундамента, подкладывая под нижний ряд бревен большие камни, либо помещая сруб на вкопанные по углам чурки. Березовые бревна – неровные, и приходилось конопатить большие щели в стенах болотным мхом. Стены не штукатурили и не белили, в лучшем случае обмазывали глиной. Полы настилали тоже из березы. Доски пола неплотно прилегали друг к другу, и в щели обычно сметали сор. Крашенные деревянные полы встречались только в домах старожилков. Во многих избах плахи на пол и вовсе не постелили, он был земляным в двух–трех случаях из каждого десятка. Сени были пристроены менее чем к половине деревенских изб, и в жилое помещение можно было пройти непосредственно со двора.

Крестьяне не стремились делать в доме много окон. Говорили: «Окна пускают мороз». Рамы в окнах переселенческих изб были одинарными, и зимой от окон и в самом деле тянуло холодом. Тут не до светелок! Во многих избушках света было так мало, что даже днем зрячие люди с трудом могли делать там хоть какую-нибудь работу. Среднее отношение «световой поверхности» окон к площади пола равнялось 1:20, хотя минимальная санитарная норма требовала соотношения 1:8. В темное время суток скудное естественное освещение заменялось неровным светом керосиновых ламп.

Скажем еще про отопление. Оно обеспечивалось главным образом русской печью – принадлежностью каждой уже достроенной избы. Эта печь с давних времен заслужила любовь русского человека. Но санитарные врачи и здесь нашли, к чему «придраться». Русская печь занимала слишком много места – до четверти объема избы, вовлекала в полезную работу лишь треть вырабатывавшегося тепла. Поэтому в дополнение к ней иногда ставили кирпичную «голландскую» или железную печку.

Чем пахнет «русский дух»?

Если бы мы с вами вошли вслед за санитарными врачами внутрь переселенческого жилища, то скорее всего оказались бы в четырехстенном однокомнатном помещении. Четырехстенки – самое простое и потому дешевое жилье, в нем селилось больше половины переселенцев. Здесь жилая площадь была в 2,5 раза, а объем воздуха в 3–3,5 раза ниже минимальной гигиенической нормы (составлявшей соответственно 9 квадратных и 15 кубических метров на человека). «В переселенческих избах кубатура на одного жильца нередко приближается к гробовому размеру», – невесело констатировали врачи.

Широко распространены были также двухкомнатные пятистенки. Жилая площадь в них тоже была небольшой – от 25 до 40 квадратных метров. Шестистенные и крестовые дома у переселенцев встречались только в исключительных случаях.

Не менее чем в 75 процентах жилищ содержали молодняк скота, выкармливая его и спасая от морозов, а то и недавно отелившихся коров. Эта была одна из черт переселенческого быта, отличавшая его от образа жизни сибирских крестьян-старожилов. В избах с земляными и щелистыми полами, где трудно убирать бытовые отходы, воздух был таким удушливым, что врачи в отчете по Каргатскому району позволили себе пошутить: «Это и есть тот сказочный “русский дух”, который везде различишь, в котором, по народной поговорке, хоть топор вешай». Между тем в окнах не устраивали форточек, створчатые рамы в окна вставляли редко.

В Каргатском районе врачи признали чистыми немногим более половины жилищ. В девяти барабинских домах из каждого десятка в изобилии водились клопы, тараканы, платяные блохи. Доктор Айзин вспоминал, что во время обследования поселка Калужского в сентябре 1927 года он «вынужден был ночевать на открытом воздухе, чтобы не быть заеденным блохами».

Холера, сифилис, туберкулез и другие «друзья» нищеты

Какие выводы можно было сделать, анализируя описанную ситуацию? Становились более ясными причины высокого уровня заболеваемости, частых эпидемий, огромной детской смертности в сибирских селениях. В конце 19 века в возрасте до года умирало 3–4 из каждых десяти младенцев, в 1920-х годах – более двух из десятка. На рубеже веков в Сибири росла заболеваемость азиатской холерой. В 20-е годы она здесь свирепствовала вдвое сильнее, чем в прочих регионах России. То же можно сказать о разных видах тифа – в нашем крае страдали от него в 1,5–2 раза чаще.

Врачи-обследователи ознакомились с документами участковых амбулаторий, провели в пятнадцати поселках Барабы амбулаторный прием больных. На прием пришло 389 человек. Наиболее распространенными у них были те болезни, что считаются социальными, или бытовыми: туберкулез (36 человек), трахома (28 человек), сифилис, чесотка, цинга... При поголовном медицинском осмотре жителей двух поселков такие болезни обнаружили у каждого второго.

Специалисты отмечали, что переселенцы распространяли в пути и приносили на новые места заразные заболевания. Новоселы становились первыми и главными жертвами и тех эпидемий, что развивались в Сибири. Из-за ослабленности организма, отсутствия средств на профилактические мероприятия и лечение, незнания местных условий. И еще – из-за несовершенства своей санитарно-гигиенической культуры. Чистоту не всегда соблюдали и сибиряки-старожилы, однако их поселения, усадьбы и дома выглядели более благоустроенными.

Казалось бы, вот выход из положения: общество и государство должны всемерно помогать недавним переселенцам «укорениться» в Сибири, развить хозяйство на земельном просторе, где нужно – скооперироваться, чтобы часть своего растущего достатка новоселы могли тратить на улучшение

условий труда и быта – по примеру старожилов и «достаточных» односельчан. А учителя и врачи помогут развить санитарно-гигиеническую культуру крестьянства.

Но вспомним: на дворе было не начало, а конец 20-х годов. Правящий режим уже готовился свернуть шею «единоличному» хозяйству в деревне. В период «великого перелома» решение было найдено в русле классового подхода. Власть предписывала благоустраивать не крестьянство (оно ликвидируется как таковое), а «социалистический сектор в сельском хозяйстве». Действовать не путем подъема народного благосостояния, народного самосознания и культуры, а в принудительном порядке и за счет средств, экспроприированных у этого народа.

По правде сказать, немало полезного все же удалось сделать с тех пор. Все знают, что за годы советской власти ушли в историю эпидемии многих болезней, на порядок сократилась детская смертность, вдвое увеличилась продолжительность жизни людей. Было построено много жилья, не сравнимого по качеству с дерновыми избушками барабинских новоселов начала 20 века... Но вот решены ли коренные проблемы массовой санитарной культуры? Подумаем об этом, шагая по заваленным мусором улицам наших нынешних сел и городов, отворяя двери наших тесных квартир, поворачивая кран с водой, которую вредно пить.